

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

С. Н. Давиденков, *Эволюционно-генетические проблемы невропатологии*, Л., 1947, 382 стр.

Объемистая книга профессора Давиденкова состоит из двух частей: «Вариации норм» и «Патологические вариации». В каждой части имеется 4 обширные главы, состоящие из большого количества параграфов. Книга импонируется общим заглавием и внешним построением глав.

Нас, естественно, прежде всего заинтересовала 3-я глава первой части «Высшая нервная деятельность и эволюция», которую мы и разберем. Здесь автор, как он пишет, делает попытку оценить высшую нервную деятельность человека с точки зрения ее исторического развития. Автор заранее считает, что эта попытка окажется несвободной от ошибок, может быть значительных. Он не ошибся в своем предположении: эта глава построена целиком на методологических ошибках.

Всю главу автор посвящает доказательству предлагаемой им гипотезы, которая должна объяснить выдвигаемый им же «парадокс нервно-психической эволюции». Суть последнего в том, что мозг человека, наиболее совершенный по сравнению с мозгом животных, «должен был бы работать четче и бесперебойнее всех предшествующих, менее совершенных нервных систем, ибо, иначе, как бы он вообще мог произойти, и главное — как бы он мог одержать решительный верх над своими конкурентами в межвидовой борьбе за существование? Другими словами, мы должны были бы ожидать, что человек с его наиболее совершенным мозгом должен был бы выработать тип нервной системы наиболее совершенный, то есть максимально сильный, уравновешенный и подвижный. А между тем..., как легко срывается гладкая работа этого, казалось бы, наиболее совершенного органа! Вся эта масса слабых и недостаточно подвижных нервных систем, легко срывающихся при жизненных трудностях, стоит в кажущемся противоречии с неизбежной логикой эволюции. В еще большей мере то же касается подвижности нервных процессов... Какие-то элементы инертности оказываются распространенными в человечестве чрезвычайно широко и чуть не поголовно» (стр. 94). Уже в этом посылочном рассуждении совершенно игнорируется специфика человека и, в частности, деятельности его мозга, который является продуктом не только биологической эволюции человека, но и труда, т. е. социальной сущности его.

Выдвигаемому автором положению предшествуют рассуждения в двух первых главах о двух типах нервной системы: слабом — инертном и неуравновешенном и сильном — подвижном, уравновешенном типе. Последний, по мнению автора, более совершенный в эволюционном развитии. Развитие функции подвижности нервной системы имело особое значение в процессе эволюции млекопитающих и человека. По гипотезе автора, «несовершенство» человеческой психики зависит, во-первых, от «сравнительно очень недавнего усиленного развития некоторых из этих функций (а мы знаем, что филогенетически юные функции — как и органы — обладают повышенной изменчивостью), а во-вторых, производным прекращением естественного отбора, который человек преодолел, как только он стал по-настоящему человеком».

Наиболее молодыми из современных функциональных свойств нервной системы являются, по Давиденкову, современная форма сверхподвижности корковых клеток и развитая вторая сигнальная система, уравновешенная с первой. Эти функции особенно индивидуально вариabильны, причем часты именно неблагоприятные вариации высшей нервной деятельности.

Основная концепция автора, которую он дальше подробно развивает, заключается в том, что существенным фактором большого количества неблагоприятных вариаций было прекращение в человеческом обществе естественного отбора (стр. 115).

Эволюция человека на стадиях питекантропа — синантропа и неандертальца проходила, по автору, под действием естественного отбора. Последний «начал, очевидно, ориентироваться теперь — в противоположность всему тому, что было раньше, — на социально-трудовую сущность вновь появившегося существа, усовершенствуя те органы, которые на этой фазе эволюции оказались необходимыми — головной мозг и руку» (стр. 111). Естественный отбор, по автору, прекращался не только постепенно, но и поэтапно. Сначала прекратился отбор на физическое развитие и лишь затем — на умственное (стр. 126). Автор односторонне трактует прекращение естественного отбора просто как затухание процесса, а не как диалектическое «снятие» его социальным развитием человечества. Поэтому он метафизически принимает поэтапное прекращение естественного отбора. Нельзя же принимать всерьез изолированную реакцию на внешнюю среду, сначала тела («физическое развитие»), а затем мозга («умственное развитие»), оторванно друг от друга. Ведь развитие тела, в частности его грацилизация, шло только благодаря трудовой деятельности, вследствие которой одновременно развивался и мозг. Ведь нервная система — неотъемлемая часть организма, которая обеспечивает целостность его и является посредником между организмом и средой, одинаково осуществляя их.

Понимание ориентировки естественного отбора на ранних стадиях развития человечества на социально-трудовую сущность может завести к далеко идущим выводам. Ведь усовершенствование органов труда — мозга и руки — это уже не естественный отбор, а профессиональная выучка, т. е. социальное явление. Почти три четверти века прошло с тех пор, как Энгельс писал: «Рука, таким образом, является не только органом труда, она также и продукт его. Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особого развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, и благодаря все новому применению этих переданных по наследству усовершенствований к новым, все более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой степени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини» (Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1941, стр. 7). Если не учитывать этого, то, доведя рассуждения Давиденкова до логического конца, можно договориться, что профессиональный отбор в наше время, как и степень развития культурности вообще, — тоже естественный отбор. Но это уже типичный социал-дарвинизм и вытекающий из него расизм.

В объяснении процесса эволюции человека и его нервной системы во всей ее вариативности автор стоит на позициях формальной генетики, придавая ведущее значение образованию мутаций и накоплению рецессивных признаков. При этом близко родственные брачные связи, которые были, вероятно, характерными для неандертальской стадии, Давиденков, как и полагается формальному генетику, считает могущественным фактором прогрессивной эволюции человека. Здесь же нужно отметить, что, собственно, вся книга имеет в своей основе формально-генетические концепции. Особенно это касается тех разделов книги, где речь идет о патологических вариациях. Законами формальной генетики автор пронизывает все свои рассуждения как об общих вопросах невропатологии, так и многочисленные приводимые им частные случаи.

Однако, не отвлекаясь, будем продолжать разбор третьей главы. Четыре параграфа ее автор уделяет разбору последствий прекращения естественного отбора. Основным последствием прекращения естественного отбора является, по автору, то, что наряду с лицами, обладавшими сильной, уравновешенной нервной системой, стали сохраняться (благодаря защите коллектива) и размножаться гораздо шире, чем раньше, лица со слабой, неуравновешенной нервной системой. Этим автор объясняет свое мало обоснованное, по нашему мнению, предположение о значительном распространении на заре человечества «инертных элементов, которые в большей или меньшей степени еще и теперь могут быть прослежены у многих людей...» (стр. 128). В этом Давиденков и видит разгадку выдуманного им же «парадокса нервно-психической эволюции». Давиденков становится на позицию евгеников (а может быть, и не сходит с нее), которые ведь и считают, что распространение болезней, в том числе и нервных, и является результатом прекращения действия на человека естественного отбора.

Давиденков, находясь в плену формальной генетики, привлекая множественность наследственных факторов, становится на ортогенетические позиции, когда говорит, что «эволюция высшей нервной деятельности еще в течение какого-то периода продолжалась и после того, как естественный отбор полностью прекратился» (стр. 129). Ведь несомненно, что эволюция высшей нервной деятельности у человека продолжается непрерывно в результате его общественного развития. Это связано с все более усложняющимися процессами труда и освоением все более сложной техники, с все большим развитием науки и ее обобщений. Давиденков же ставит вопрос: «не могла ли эволюция высшей нервной деятельности выйти за пределы непосредственной полезности для вида» (стр. 129). Что же! Эволюция мозга шла ортогенетически, как бы по слишком сильно заведенной пружине, независимо от общего развития как отдельного индивида, так и всего человечества? Хотя Давиденков и делает всякие оговорки, но широко распространяется на тему о легком выходе высших психических функций «за пределы полезности для отдельной особи». В подтверждение этого он опять, как махровый евгеник, пишет: «Выдающиеся умы, ...никогда не обладали, по сравнению со средне одаренными людьми, повышенными шансами оставить после себя многочисленное потомство, тем более, что нередко они просто-напросто сами погибали в результате своих психических «преимуществ». Способность к логическому рассуждению и обладание выдающимся умом в практической жизни большей частью было невыгодно». Автор пытается дать этому биологическое и генетическое объяснение, не понимая простой вещи, что непризнание многих передовых мыслителей и деятелей является результатом классовой борьбы, приводящей часто к гонениям, а иногда и просто к физическому уничтожению таких передовых умов. И только по этой, а не по какой-либо биологической причине многие гениальные люди не оставили потомства.

Дважды на стр. 130 автор говорит о вредности абстрактного мышления для человека (!), а наличие его объясняет опять-таки чисто биологически лишь якобы неустраивающей прочностью коррелятивных связей. К этому формальный генетик сводит все «великие завоевания человеческого духа», как он сам выражается. С чрез-

мерным развитием абстрактного мышления автор ставит в связь и значительные отклонения от нормы и нервных вариантов. «А так как имеются все основания подозревать, что эти вредные факторы образовывались в человечестве уже очень давно, чрезвычайно вероятно, что от них не был свободен и доисторический человек. Если это так, имеются основания дать еще более пессимистическую оценку этого периода человеческой предистории, когда нервные аномалии и связанные с этим нервные срывы, еще ничем не ограничиваясь в своем проявлении, могли широко развиваться в молодом человечестве, наложив свой отпечаток на всю духовную культуру того времени, а также на долгие последующие тысячелетия» (стр. 130; подчеркнуто нами.— В. Г.). Эту длинную цитату мы привели, чтобы показать, как методологически неправильные исходные позиции автора и биологизация общественных отношений приводят его к неправильным идеалистическим выводам. Последние весьма детально излагаются в трех последних параграфах главы, посвященных разбору последствий прекращения естественного отбора, чем автор хочет объяснить и происхождение религии. Хотя Давиденков и делает несколько оговорок о значении социальных факторов, о том, что физиология высшей нервной деятельности может осветить лишь некоторые детали проблемы, это по существу не изменяет идеалистической сущности его гипотезы.

Автор сопоставляет известные нам сведения о древних людях верхнего каменного века с культовыми представлениями и действиями у современных, отсталых по культуре народов. Последних он метафизически трактует как «зашедших в исторические тупики и застывших в фиксированных формах жизни» (стр. 132). Давиденков здесь безоговорочно принимает взгляд буржуазных социологов, которые отсюда и делают реакционнейшие выводы о высокой миссии цивилизованных государств, т. е. оправдывают колониальные захваты и эксплуатацию малокультурных народов и даже прямое истребление их. Ведь это прямой расизм.

Анимизм, по Давиденкову,— это лишь универсальная логическая ошибка, с которой человечество начало историю своей духовной культуры (стр. 134; подчеркнуто автором). Автор считает, что первобытный человек обладал развитым логическим мышлением и сознательно создавал религию, допустив при этом лишь логическую ошибку. Автор соглашается с мнениями, что в развитии анимизма играл роль страх первобытного человека перед внешним миром, но оспаривает, что страх этот является следствием недостаточности знания им природы.

Давиденков обращает внимание на магические действия, прямо направленные на природу, и присоединяется к мнениям, что они возникли до анимизма. «Ритуал, хотя и бессмысленный, вполне достигал цели, ради которой он предпринимался» (стр. 138). И, вот, различные ритуальные действия, в частности культ «инау» («посла к духам»), хорошо известный этнографам, автор пытается объяснить только физиологически. Страхи первобытного человека Давиденков идентифицирует с фобиями нервно или психически больных, а ритуальные действия, вплоть до обрушения себе пальцев, он считает вовсе не такими глупыми, ибо человек «на самом деле (стр. 139) освобождал себя таким образом от угнетавших его эмоций». Страх же перед природой, по Давиденкову, зависит не от социальных причин (недостаточное еще знание и бессилие перед ней), а от распространения, в результате прекращения естественного отбора, наименее приспособленных, с более инертной нервной системой. Недаром даже слово страх Давиденков берет в кавычки (стр. 139), предпочитая ему слово фобии, как более привычное для невропатолога. Отсюда происхождение магии Давиденков представляет, повидимому, как распространение навязчивых действий при нервных заболеваниях. «Отдельные магические приемы образовались случайно (подчеркнуто автором) у отдельных людей, в связи с наличием случайных индивидуальных условных связей (подчеркнуто нами.— В. Г.), а затем распространялись на большие или меньшие социальные группы». Чтобы не было сомнения в его концепции, автор на следующей странице вновь повторяет: «Возникнув у какого-нибудь индивидуума в силу случайных особенностей его личного анализа, они (магические приемы.— В. Г.) вслед за тем распространялись по другим членам коллектива, оформляясь в более разработанные ритуальные формы и в конце концов узаконивались в качестве уже готовой и надолго застывшей формы первобытной религии» (стр. 140). То, что теперь для нас — болезнь, то для примитива — реальные опасности с реальной охраной от них. Поэтому «невротические реакции первобытного человека должны были не только не подавляться, но, наоборот, подвергаться своеобразному «культу», что в конце концов приводило к организации неврозов в определенные большие системы» (стр. 141). Застойность же этих религиозных систем зависит от того, что фобии вырастают не из патологических, воображаемых, а из реальных опасностей природы. И опять — сожаление автора о прекращении естественного отбора, хотя и облеченное в диалектическую форму развития. На стр. 141 мы читаем: «Так человечество начало расплачиваться за собственную победу. Прекращение естественного отбора, бывшее само блестящим достижением эволюции, могло заключать в себе одновременно и предпосылку для широкого распространения крайних, неблагоприятных вариантов нервной системы. Масса слабых, неуравновешенных и особенно инертных людей, склонных к нерешительности, сомнениям и тревоге, могла нало-

жить свой отпечаток на длинную последовавшую эпоху и потребовать постепенной компенсации этого дефекта, но уже идущей по другой новой линии...»

Итак, концепция автора вполне ясна. Это — идеалистическое перенесение биологических (физиологических) закономерностей на социальную жизнь.

Не останавливаясь на первоначальном этапе развития религии, Давиденков говорит о более высокой фазе оформленного анимизма, шаманства, когда выступают уже особые «специалисты по сношению с духами». Он считает, что шаманский транс совершенно идентичен истерии. И то и другое является результатом того, что «два наиболее поздних приобретения высшей нервной деятельности человека — его исключительная подвижность и согласованные сигнальные системы — были больше всего разболтаны при свертывании естественного отбора, причем именно в этих двух отношениях неблагоприятные крайние варианты нормы особенно далеко вышли из своих прежних берегов» (стр. 144). Таким образом, шаманство, по автору, — это культ истерии. Автор ошибается, считая, что развитие шаманства характерно для родового строя. Ведь все классические формы шаманства были изучены в Сибири у народов, стоявших на ступени развития родового строя.

Дальнейшая судьба народов была, по автору, различной. «Вследствие различия сложных историко-географических условий отдельным ветвям человечества удалось в дальнейшем развитии выработать какие-то компенсаторные нормы, позволившие им преодолеть невротический кризис ранней предистории, в то время как другие ветви, находившиеся в менее благоприятных условиях, легко могли зайти в своеобразный культурный тупик и надолго остановиться в своем прогрессе...» (стр. 147). В племенах же, вышедших из застоя, прогресс, по автору, осуществлялся по линии организации поведения (разрядка автора). «Все поведение индивидуума стало меньше определяться врожденными свойствами нервной системы, а больше — социальными требованиями коллектива» (стр. 148). К нервной системе предъявляются новые требования, в результате чего появляется «воспитание» — «тренировка» ее, которая продолжается до настоящего времени. «Испорченный в свое время генотип при этом процессе блокируется в своем проявлении, генетически, однако, не меняясь. Однако проявление неврозов все больше и больше затрудняется». «Неврозы уходят в подполье» (стр. 153).

И вот, подходя к концу всех своих рассуждений, Давиденков полностью смыкается с идеалистическим учением буржуазного психиатра Зигмунда Фрейда, которым в 20-х годах увлекались некоторые и у нас. Упершись в учение Фрейда, Давиденков приносит ему ряд комплиментов, хотя и пишет, что не согласен с ним в двух пунктах: о внутреннем механизме фобий и представлении невроза как возврата к примитивной психологии дикаря. Давиденков считает, что, наоборот, «примитивный коллектив характеризуется экспансией и культом невротических механизмов» (стр. 154). Это различие концепции Давиденкова с Фрейдом несколько не умаляет идеалистической сущности обоих.

В ряде мест, в частности на стр. 149, Давиденков пишет, что «не хотел бы, конечно, преуменьшить роль социально-бытовых и хозяйственных отношений в человеческой предистории». Однако, какое место отводится общественным факторам развития, видно из дальнейшего, где автор продолжает: «...помимо географических условий и случайных (подчеркнуто нами. — В. Г.) исторических событий», на результат этого процесса влиял «прежде всего тот психофизиологический материал, который был важным субстратом прогресса» (стр. 149). Конечно, в процессе общественного развития человечества телесная организация людей и обусловленное этим отношение их к природе имеют значение. Об этом писали Маркс и Энгельс уже сто лет назад в «Немецкой идеологии». Но в концепции Давиденкова ведущим является не социальное развитие психически нормального человечества, а усиление патологического состояния его нервной системы вследствие прекращения естественного отбора.

Из всего сказанного следует, что автор всю свою концепцию строит на неизменности пресловутого генотипа, на ухудшении его вследствие прекращения естественного отбора, на неизменности после прекращения последнего человеческой психики, которая, как и вся психофизиология нервной системы, не развивается с развитием человеческого общества, а только тренируется, уходя в подполье все неблагоприятные выражения ее. Автора не могут спасти ссылки на диалектический материализм, на роль труда в процессе очеловечивания обезьяны и для развития человеческого общества. Автор совершенно не учитывает, что религия развивается на определенной стадии развития производительных сил и производственных отношений и является их извращенным отражением. По концепции автора, над всем современным человечеством довлечет психофизиологическая неустойчивость его нервной системы, вследствие прекращения естественного отбора.

Разобранная нами глава написана всецело под влиянием идей реакционной буржуазной науки. Многообещающее заглавие книги не должно усыплять бдительность советского читателя к пропаганде идеализма, который в ней проводится.